

одежды». И всё же рождается много вопросов, а подчас возникает чувство неудовлетворенности.

Отдаёт ли коллектив театра юным зрителям весь свой талант, всё своё многогранное, яркое искусство? Нет, не всегда. За последние годы творческая активность коллектива театра была направлена почти исключительно на постановки для взрослых. В них выступают лучшие исполнители, проявляются новые приёмы, именно они определяют сегодняшнее творческое лицо театра, большинство же спектаклей для детей постановлены очень давно и подчас выглядят обветшалыми, устаревшими.

Холодно, вало развёртывается действие в «Сундуке сказок». Не увлечён, прежде всего, сам сказочник. Прimitивно решены и сказки, разглагольствование в волшебном сундуке, про репку, про зайца, лису и петуха, про Машеньку и медведя.

Два года назад возобновлён в новой сценической редакции «Конёк-горбунок». Казалось, здесь безграничны возможности применения богатой техники, изобразительности театра. А спектакль получился неудачным. В нём есть привлекательные эпизоды, но не найдено главное — образы Конька и Иванушки. Маски Конька невыразительны, не вызывают к себе симпатии. Неверным кажется и исполнение роли Иванушки. Образ получился детским, названным, в нём нет мужественности, силы, народной сметки. Неприятно поражают зорчивость речи героев грубыми выражениями, к тому же много раз повторяемыми на сцене: «черти накатали «бревеш», «сдохнешь», «какого рожица» и т. д.

Центральный театр кукол находится в ведении Министерства просвещения РСФСР. Это как будто определяет его педагогическую направленность, участие в воспитании детей средствами искусства. Театр явно недооценивает данную задачу. В последнее время искания коллектива в области детской тематики вообще прекратились. За три года театр возобновил две старых постановки для детей и не показал ни одной новой. Раньше было, пусть не вполне удачные, попытки решения современной темы для юного зрителя. Были мечты о постановке современной сказки. Все это не осуществилось. Может быть, поэтому в театр ходят только самые маленькие зрители — дошкольники, ученики первых классов. Равнясь среднего возраста здесь не встретить. Конечно, нелёгкая задача — создание спектаклей для школьников среднего возраста и даже для старших классов. Но разве она не осуществима? В своих постановках для взрослых театр находит новые темы, новые решения. Почему же из его поля зрения выпадают средние возрасты? По Центральному театру кукол равняется и периферия, где также на кукольных представлениях бываю только малыши. Разве наши театры кукол не могут создать живые, выразительные маски, любимые несколькими поколениями детей, молодёжи, взрослых, как, скажем Спайбл и Гуринки

в чашском кукольном театре Иосефа Скупы?

Создалось положение, когда театр кукол, призванный вести своё искусство проследить за детской, школьной аудиторией, не связан со школами, на подёт никакой работы с юными зрителями.

В чём-то здесь вина и общественности. Когда говорят о С. В. Образове и его театре, прежде всего упоминают постановки для взрослых; о которых много писалось, а то время как о многих, даже интересных, спектаклях для детей ни написано ни одной строчки.

Действительно, театр смелый, настойчивый, талантливый решает свой «взрослый» репертуар. Такие спектакли, как «Чёртова вечерняя концерт», «Под шорох тёмных мельниц», «2:0 в нашу пользу», «Чёртова мельница», ознаменовали целый этап в творчестве Центрального театра кукол и кукольного театра вообще.

Сила воздействия этих постановок — в остроте темы, неожиданности, смелости решения. Зрители не подозревают, какие невероятные трудности приходится преодолевать артистам, чтобы добиться лёгкости и непринуждённости исполнения. Пещериков по ходу действия бредет, танцует, катается на коньках, моется в ванне, наконец, управляет парусной лодкой. Для всего этого нужны куклы разного устройства. Подмена кукол незаметна для зрителей, которые не перестают удивляться чудесам театра.

Своеобразен спектакль «Под шорох тёмных мельниц». Это — панфлет, плакат, сатира на американское кино. Куклы издеваются, смеются над своими героями. Написание сценария, проба актеров, съёмки — всё здесь подчинено отупляющему механическому ритму. Ирония доведена до гиперболи, до сарказма.

Смеются куклы над людскими проказами, заблуждениями, легкомыслием, эгоизмом и в спектакле «Чёртова мельница» по мотивам пьесы чешского драматурга Я. Дры. Похождения чёрного разряда Люциуса, который составляет принцессе Дишперанду и заодно её слуганку Качу, дают повод для многих комедийных положений. Как во всех лучших спектаклях театра, здесь необычайной внешней выразительностью обладают все маски кукол. Но, конечно, кукла мертва, если её не одушевляют живые интонации голоса актёра, его талант и мастерство. В наиболее удачных образах кукла и слово сливаются воедино.

Тонкий и умный мастер кукольного жанра С. В. Образцов воспитал в своём театре поистине выдающихся, многогранных актёров. Это — Е. Сперанский, С. Семодур, Е. Синельников, З. Гердт, И. Дивов, энтузиасты-художники В. Андреевич, Б. Бузуловские и многие другие, с такой же самоотверженностью и преданностью посвятившие свою жизнь этому трудному и прекрасному искусству.

Я назвал нескольких лучших спектаклей, в которых наиболее полно и плодотворно воплотились творческие искания театра. Они составили его славу.

Однако, раздумывая над тем, что сделал театр за последние время, невольно обращаешь внимание на некоторые снижения требовательности к качеству пьес, вписанных в репертуар, к общему художественному уровню постановок. «Необыкновенный мещанин» поставлен 10 лет назад. Много времени идёт и большинства названных выше спектаклей. Частые гастроли выступления, очевидно, отразились на подготовке нового репертуара. Сейчас театр с трудом выпускает по одной премьере в год.

В последних постановках «Дело о разводе» Е. Сперанского и «Дочь-невеста» А. Берто привлекает упорное стремление заботиться над произведением современной куклы. Куклы на этот раз помогают разоблачить пережитки мещанства в среде советских людей. И всё же попытка поставить острые, морально-этические проблемы на воспитательный недостаток, прежде всего, самого драматургического материала. Большое искусство театра оказалось здесь в чём-то измученным, разменным на воплощение случайных анекдотических ситуаций.

«Дело о разводе» — вовлечён с обилием «раздумий», путаниц, быстро возникающих и тут же разрешаемых конфликтов и конфликтов. Студенты Пята и Тамара любят друг друга. Тамара решает подшутить и признаётся, что ей нравится «бас База», случайно попавшее имя. Но неожиданно происходит встреча с настоящим Барешкиным. Возникает цепь роковых совпадений, в орбиту которых попадает много людей.

Подобный сюжет исчерпывается уже в середине пьесы. Далее начинаются потопы, искусственные придумывание новых завязальных трюков. Действующие лица бродят по бесконечному лабиринту в Парке культуры и отдыха и никак не могут встретиться, развязка искусственно затягивается. Куклы, поставленные в условия обычной жанровой «психической пьесы», вдруг оказываются бессильными передать переживания героев, юта для Пети и Тамары найдены интересные, запоминающиеся маски.

Театр востал против пошлости, против мещанства. Но круг интересов, лексикон героев не выходит за узкие рамки разговоров о воде, о браке, разговорах не всегда высокого литературного вкуса. Иногда высокие говорят: «Чтобы страсть всегда пылала, как газосвая конфорка», «Ваша идея хуже алкоголика», «Я в браке есть ах, о нет выхода», «Чтобы ноги вшей в моем ярде не было» и т. д.

А когда на следующий день уже в постановке «Дочь-невеста» слышим такие выражения, как «Московский или столичный», «До чего наука доперла» или: «Ему мляется нельзя». Ему недавно аппендицит вырезали, становится как-то неловко за театр.

«Дочь-невеста» — спектакль, любопытный по замыслу. Действие происходит как бы в двух планах. Основная сюжетная линия — приезд в добродетельный дом, где

живут «папа, каких много», и «мама, тоже обыкновенная», мещанин Юли Михайловны, которая «знает, как жить». Мещанинские свет сомнения, заставляя всех окружающих в чём-то подозревать друг друга и в конце концов чуть не разрушает семью.

Другой план — детские интермедии, где шестилетний Толик, мальчик «просто обыкновенный», и его друзья играют в «папу и маму», как бы повторяют увиденное в жизни. Здесь есть острота и неожиданность решений. Дети строятся не зарядку, ни кричат: «Уйдите со двора»; хотят играть в мяч — снова крики: «Поблизь стёкла»; в догонялки — «Куда ты бежишь!» И приходится договариваться:

«Ну, что ж, давай в кёртики — Тихая игра!»

В интермедиях тонко, но настойчиво выражены определённые воспитательные идеи пьесы. Сами дети искренни, наивны, они понимают драматизма ситуации. И оттого — становится адекватным воздействие всего происходящего.

Во взрослом же, основном плане спектакля нет настоящего острого конфликта. Обличение Юли Михайловны не получилось, так как ей не противопоставили интересные положительные образы. В то время когда сама Юлия сыграна активно, с острым характерным рисунком, вокруг неё — бледные, невыразительные люди, особенно молодая пара — Катя и Глеб, затерявшиеся в постановке. Кроме того, в спектакле нет органичного слияния интермедий и сюжетных сцен. Сами по себе интересные, интермедии часто тормозят развитие действия.

В последних спектаклях Центрального театра кукол главной, ведущей, оказалась линия бытовой сатиры, иронии. В раскрытии современной темы не найдены многогранное проникновение в жизнь, романтика, образы положительных героев. Может быть, всё это противопоставлено кукольному жанру? Но сам театр не раз доказывал, как необязательно и восторженное искусство кукол, какое это, по выражению С. В. Образцова, «искусство и действительно театральное оружие».

Но случайно в последних спектаклях так мало новых находок в технике кукольных представлений. Повторяются ранее найденные интересные приёмы. А ведь раньше буквально каждая постановка раскрывала открытие нового, неожиданного. Это не заметно для тех, кто пришёл в театр впервые и, естественно, восхищается высокой театральностью кукольной коллектива. Но это должно быть очевидно для самого театра, для его талантливых, опытных мастеров кукольного жанра.

Центральный театр кукол — единственный у нас в своём жанре и в непревзойдённом мастерстве. Надо полагать, сейчас в «недрах» театра зреют новые замыслы, и недалёк тот час, когда и взрослые и юные зрители будут снова покорены и вдохновлены своеобразными и яркими постановками, в которых зазвучат большие идеи воспитания нового социалистического человека.

